

Лечебница / Sickhouse (рассказ)

WARPFROG

Гильдия Переводчиков Warhammer

Лечебница / Sickhouse (рассказ)

Автор	Клинт Ли Вернер / C.L. Werner
Переводчик	соц
Издательство	Black Library
Входит в сборник	Кровь и сталь / Blood & Steel (сборник), Холодная рука предательства / The Cold Hand of Betrayal (сборник), Брюннер. Охотник за головами / Brunner the Bounty Hunter (сборник)
Источник	Брюннер. Охотник за головами / Brunner the Bounty Hunter (сборник)
Год издания	2003
Подписаться на обновления	Telegram-канал
Обсудить	Telegram-чат
Скачать	EPUB , FB2 , MOBI
Поддержать проект	

Аннотация: В погоне за добычей прославленный охотник за головами в очередной раз становится пешкой в играх богов.

Воздух в крохотном и грязном подвальчике, коль уж вам интересно, был даже удушливее, чем наверху, на задыхавшихся от зноя улочках Миральяно. Между толстых деревянных столбов, на которых стояла расположившаяся над подвалом дубильня, были развешаны полосы мокрого льна, которые, вместо того, чтобы давать отсыревшей комнатке прохладу, еще больше повышали в ней влажность. Вкупе с густой вонью гнилых овощей и другой дряни, наваленной кучами кругом, эффект был такой, будто вы угодили в одно из ядовитых болот, которые расползлись за городскими стенами. Само собой, в такой вот окружающей обстановке единственный обитатель подвала казался удивительно на своем месте.

Хилое создание, растянувшееся на скрипучей кровати, повернулось на бок и протянуло худую, изможденную руку к небольшой масляной лампе, стоявшей рядом на полу. Жирные и склизкие пальцы, походившие больше на щупальца, подкрутили огонек, добавив света в убогой камерке. Тем временем, в кресло напротив мутанта без спроса плюхнулся посетитель. Создание сердито посмотрело на него и проворчало что-то вполголоса. Впрочем, тем, кто снисходил до визита к осведомителю по имени Тессари, частенько недоставало манер.

— То, о чем ты хочешь узнать, будет стоить два серебряных, — прокаркал мутант. Усевшийся напротив изуродованного страшилища мужчина натянуто улыбнулся.

— И откуда же ты это знаешь, Змеепалый? — хрипло усмехнулся посетитель. — Я еще ничего не сказал. — В тоне мужчины послышался вызов, подозрение, скрывавшаяся за словами невысказанная угроза.

Тессари откинулся назад и сощурился.

— Охотник за головами, мои расценки всегда одинаковы. — Он вложил в название профессии собеседника столько же отвращения, сколько и тот сам — в описание его уродства. — Мне нужны два серебряника, чтобы купить новые одеяла, пока не настала зима. Поэтому, что бы ты ни хотел узнать, стоить это будет два серебряника.

Сделав вид, что обдумывает предложение Тессари, охотник за головами помолчал немного и через некоторое время кивнул.

— Так и быть, подвальная ты крыса. Я разыскиваю вора по имени Риано. Выйти на него мне пока мне не удалось. Коль скоро, у крыс есть уши, ты расскажешь мне, что слышал.

— А ты пробовал пошарить в задних комнатах «Альбинской девы»? — поинтересовался Тессари. — В прошлом Риано не раз оказывал услуги владельцу этой пивной.

— Уже смотрел! — рявкнул охотник. — Риано нет в Миральяно.

— Почему ты так уверен? — не уступал Тессари. В его голосе забулькали заинтересованные нотки. Пальцы, похожие на беспозвоночных червей, начали противно извиваться.

— Потому что, если бы он был в Миральяно, я бы уже нашел его, — резко ответил мужчина. Он начал сердиться. — Кажется, все ясно, Черверукий, ты ничего не знаешь. — Убийца стал подниматься из кресла.

— Не торопись! — воскликнул Тессари, подавшись вперед и вытянув к нему руки. — Давай посидим и все обсудим.

— У меня есть занятия получше, чем тратить время в твоей крысиной норе, — со злостью ответил тот. — Если не можешь мне помочь, я найду кого-нибудь, кто сможет.

— Человек, которого ты ищешь, бежал из Миральяно, — выкрикнул мутант в спину убийце, испугавшись, что его опять оставят одного в этом сыром подвале. — А раз так, то он отправился туда, где смог бы залечь на дно пока не снизится цена за его голову. Куда-нибудь, где он чувствовал бы себя в безопасности.

Охотник приостановился и медленно обернулся, одна его рука схватилась за рукоять висевшего на поясе оружия.

— И где это? — потребовал он ответа.

Тессари вытянул наименее уродливую из своих рук и держал ее так, пока убийца не подошел и не вложил ему в ладонь серебряную монету. Затем наемник вытащил вторую и задумчиво сжал ее между большим и указательным пальцами.

— А эту я дам тебе, если информация окажется полезной, — пообещал он мутанту.

Тессари отпрянул обратно на свое лежбище.

— Риано вырос деревушке под названием Дечимас, — произнес мутант. — Если он действительно бежал из Миральяно, то направился в Дечимас, туда, где у него много друзей. Таких, которые умеют изрядно усложнять жизнь представителям твоей профессии.

— Сомневаюсь, — сказал охотник за головами, бросив Тессари вторую монету, после чего снова развернулся.

— Подожди! — закричал Тессари. — Есть еще кое-что, что может заинтересовать такого, как ты.

Посетитель обернулся и со злостью посмотрел вниз на безобразного человечка.

— Эти игры начинают меня утомлять, мешок с вшами, — прошипел воин. — Что ты еще можешь мне сказать?

Кривое лицо Тессари расплылось в жадной улыбке.

— Это будет стоить еще серебряник.

Из привязанной к поясу мошны охотник вытащил очередную монету и опять сжал ее между пальцев.

— Риано ищет еще кое-кто, такой же охотник за головами, как ты, — Тессари наклонился вперед и его голос превратился в заговорщицкий шепот. — Не находишь ли ты занимательным, что два дня назад на этом самом месте стоял другой человек и задавал мне те же самые вопросы?

— Хватит, говноед! Кто еще напал на след Риано?

— Брюннер, — ответил ему Тессари, насладившись внезапно проступившей на лице собеседника тревогой. Когда охотник положил серебряную монету обратно в мошну, Тессари скорчил недовольную мину.

— Это мое! — проклокотал он.

— А сколько за твои сведения заплатил Брюннер? — спросил гость. Тессари злобно глядел на него, и его

склизкие пальцы принялись свиваться в кольца, будто рассерженные питоны. Охотник за головами ухмыльнулся ему. — Раз он обошел меня на старте, глупо было бы платить тебе больше, чем он.

Мужчина исчез в полумраке подвала, оставив Тессари швырять оскорбления ему в спину.

Солнце висело высоко в небесах, ослепительно и свирепо поглядывая вниз со своего лазурного раздолья и заставляя крохотные струйки знойной зыби подниматься вверх с чахлой коричневой травы. Бесплодная глина узенькой дорожки, ползущей между кустарником и чахлыми деревцами, спеклась вместе с камнями до прочности гранита, ибо в это время года не было ласковых дождей, которые могли бы дать ей передохнуть от деспотических ухаживаний жаркого светила. По горячим струям воздуха не сновали птицы, вместо этого они прятались в любой тени, которую могли сыскать. Единственным, что подавало признаки жизни, была большая серая ящерица, вцепившаяся пальцами с длинными коготками в бока крупного булыжника, неподвижно лежащего на дороге. Глаза рептилии были закрыты, и, пока холодная кожа впитывала обжигающие солнечные лучи, тело безостановочно приподнималось и опускалось. Покрытые чешуйками веки ящерицы внезапно распахнулись, и она вздернула головку, прислушавшись к встревожившей ее дрожи. С головокружительной быстротой она нырнула со своего насеста и, пронесшись через дорогу, юркнула под защиту желтевшего неподалеку участка колючих кустов.

Всадник, приближение которого спугнуло ящерицу, едва заметил ее бегство и пренебрежительно отвел холодные, как сталь, глаза в тот же момент, когда заметил ее внезапное движение, после чего вновь занялся изучением проселочной дороги. Позади него трусила измученная серая вьючная лошадка, везущая на спине множество ящиков и сумок, а также несколько предметов, которые явно были оружием в ножнах. Гнедой боевой скакун под всадником повернул голову и будто бы сочувственно посмотрел на своего лихого товарища. Конник нежно потянул поводья, напоминая животному держать направление. Чем быстрее он найдет то, что ищет, тем скорее все они смогут передохнуть.

Мужчина был высок и сложением напоминал пантеру. Он выглядел собранным и грубым, с шершавого, обветренного лица под коротко остриженными каштановыми волосами смотрели холодные, сощуренные голубые глаза. Торс облегал бригандина^[1] с нагрудником. Поверх ее пересекали крест-накрест ремни, с которых, точно капли, свисало оружие: стальные зубы ножей, разверстая пасть пистолета, безжалостное лезвие топора. На одном бедре мужчины лежал здоровенный нож с зазубренным лезвием, свирепого вида оружие, которое владелец в порыве садистского юмора назвал «Палачом». На другом висел в ножнах воинский длинный меч с золотой рукоятью, выполненной в форме расправившего крылья дракона, прославленный клинок, прозванный «Драконьей злобой». С луки седла свисал крепко привязанный кожаными ремешками «салад»^[2], шлем охотника за головами, округлые стальные бока которого раскалялись под беспардонными ухаживаниями солнца.

Брюннер поднял глаза от заброшенной проселицы и взглянул на стоящий неподалеку знак, три стрелки которого указывали во все стороны, кроме той, где высился лес. Увидев, что на самой верхней углем было нацарапано «Дечимас», убийца мрачно усмехнулся. Покачав головой, он отвернулся, и, стоило ему это сделать, он сразу заметил неуклюже замершую под знаком жалкую фигуру, почти скрытую кучей камней, в которую был вбит указательный столб. Брюннер с опаской оглядел фигуру, выискивая любой признак движения или дыхания. Не отводя глаз от лежащего ничком тела, охотник за головами вытянул пистолет и осторожно спустился со своего гнедого по имени Зверь. Внимательно поглядывая по сторонам, он медленно подошел к фигуре.

Возле столба лежал мужчина в изодранной одежде, сделанной из грубой, домотканой материи, распространенной у крестьян, живущих в тильянской глубинке. Брюннер пхнул его в бок железным носком кавалерийского сапога, наблюдая, не шевельнется ли тот в ответ. Тело подалось под ногой, но осталось на месте. Толкнув посильнее, Брюннер перевернул его на спину и тот час же отпрянул от открывшегося ему зрелища, рука в перчатке непроизвольно поднялась к лицу, чтобы прикрыть нос от запаха.

Мужчина был мертв, но в том не были повинны ни зверь, ни человек. Распухший язык, выдававшийся над перекошенным лицом был почти начисто откушен в результате охватывавших человека предсмертных мучений. На коже были лиловые и багрово-красные волдыри, некоторые размером с большой палец Брюннера, из каждого тонкой струйкой истекал красноватый гной. Охотник за головами продолжал шагать назад. Слишком много таких тел он повидал за последнее время. В Тилию вернулась красная оспа, она буйствовала в деревнях и поражала любого, кто поддавался ее тлетворным соблазнам.

Брюннер отвернулся от трупа, глаза его задумчиво изучали бесцветные южные просторы. В этом направлении лежал конечный пункт его путешествия, однако, если бедняга, который лежал возле его ног, пришел оттуда, если на юге свирепствовала болезнь, охотник, по всей вероятности, шел туда зря. Когда лютует красная оспа, мертвецы долго не залеживаются (разумеется, пока есть здоровые люди, чтобы сжигать тела больных). Если чума уже прибрала Риано, трудно будет получить награду за обугленные кости и кучку пепла.

Звук треснувшей ветки, оторвав охотника от мыслей, заставив его резко развернуться на месте. Брюннер вполголоса выругался. Озаботившись об оспе, он стал беспечен, расхлябан. Его природная осторожность уступила беспокойству о чуме, которая витала над этими землями. Внутренне охотник устроил себе выволочку. Он пожил достаточно и знал, что стоит на миг отвлечься, и этот миг может растянуться на целую вечность.

Поняв, что спрятаться уже не удастся, создание, которое произвело этот звук, поднялось с четверенек. Жалкая, сторбленная фигура, развалина, пародия на человека. С исхудалого, ослабшего тела свисала холщовая рванина, прихваченная на поясе длинной веревкой. Мертвенно-бледная кожа усеяна уродливыми красными волдырями и похожими на кратеры рубцами, лицо будто побывало под топором мясника, безумные глаза разбухли в глазницах, нос отгнил, оставив на своем месте бородавчатый хрящевой обрубок. На лбу убогого был вырезан знак: три разбухших кольца, соединенных в центре, из каждого из которых выдавалась стрелка с зазубринами. Эта метка была единственным ярким пятном на лице, и она истекала кипящим зеленым гноем каждый раз, как несчастный делал выдох. Но главным образом, вниманием Брюннера завладел предмет, в который создание вцепилось своей чахлой рукой — меч с толстым, коротким лезвием.

Охотник за головами не дал уродливой твари и шанса приблизиться. Одним движением он проворно вырвал пистолет из висящей на животе кобуры и выстрелил в сгнивший череп пораженной болезнью мерзости. Пуля пробила себе путь сквозь кость, и ткани водянистого мозга вырвались из затылка твари. Голова изъеденного чумой создания взорвалась, и без единого вскрика, с изяществом увядающего цветка, оно осело на дорогу.

Эхо от выстрела не успело еще утихнуть, а охотник за головами успел уже обнаружить, что пораженный болезнью нападавший был не один. Больше уродливых фигур поднимались в поле его зрения, стягиваясь к проселице, подобно своре шакалов, учуявших свежий труп. Большая их часть была похожа на того, что упокоил Брюннер: оборванцы в лохмотьях, бывшие когда-то людьми, возможно, до того, как плоть пожрало нечестивое гниение, охватившее теперь их полностью. Некоторые же, впрочем, никогда и не

носили гордого звания человека: ноги их оканчивались раздвоенными копытами, тела покрывала запаршивленная шерсть, головы напоминали козлиные или бычьи. Болезнетворное клеймо также наличествовало у этих чудищ, сочащийся из метки мерзостный гной коркой застывал на зловонной зверолодской шерсти.

Зараженные уроды выпрыгнули на Брюннера из своих укрытий, и тот, снова выругавшись, вытянул из ножен меч. Этим было по меньшей мере дюжина — слишком много, чтобы встретить их мечом и топором. Пока охотник за головами обдумывал этот факт, глаза его с тоской разглядывали многозарядный арбалет, притороченный к седлу боевого скакуна. С этим оружием он обращался мастерски, и будь оно у него в руках, четверо нападавших было бы мертво. Но к этому времени зверолоды и твари, которые некогда были людьми, собрались уже в разъяренную толпу меж ним и его животными. Брюннер увидел, как Зверь встал на дыбы, и крупные подкованные железом копыта, мелькнув вперед, раскололи череп разлагающегося чумного мутанта, будто яичную скорлупу. Если уроды рассчитывали поживиться поклажей либо лошадиным мясом, пробиться к животным без боя у них не выйдет.

Охотник за головами и сам приготовился встретиться с врагом. От главной стаи отделилась троица мутантов и пара пестигоров с козлиными башками, обжорство и алчность в них уступили жажде крови. Существа пялились на Брюннера слезящимися глазами, с отвисших ртов свешивались ниточки слюны. Мнимая бесхитрость нападавших не обманывала Брюннера — под заселенными духами пещерами Чертогов он уже встречал гоблинов, которые впадали в схожее состояние. И, пусть их атакам не хватало проворства и слаженности, их одурманенный мозг, казалось, был просто не в состоянии воспринять боль, даже в те моменты, когда им от тел отрубали конечности.

Первый противник пошел на Брюннера с влажным, булькающим криком, изуродованное лицо его напоминало больше ухмыляющийся череп. Охотник приготовился встретить нападение чудовища и срубить его гнилую голову с разлагающихся плеч. Однако этот смертельный удар оказался не нужен. С громким хрустом в лицо мутанта врезался пятидюймовый^[3] стальной шип, разбрызгавший ошметки плоти по земле и опрокинувший следовавшего за первым чудовищем блохастого пестигора. Охотник за головами не стал тратить время и раздумывать над свалившейся на него удачей. Мутант не успел еще осесть на землю, а Брюннер был уже в движении, и меч его рванулся вперед, чтобы встретить топор чудовища, которое надвигалось на него справа. Острое лезвие «Драконьей злобы» впилося в гнилую деревянную рукоять точно под заржавленной головой топора, прорезало ее и отрубило тощую, как тростинка, руку.

Мутант отпрянул от удара, с культи закапала какая-то дрянь, которая была слишком уж темной для обычной крови. Создание, кажется, отнеслось к полученному увечью, как к банальному неудобству, и потянулось целой рукой вниз, чтобы подобрать упавшее лезвие топора. От этого противоестественного зрелища охотника за головами чуть не вывернуло, и он ударил сверху вниз прямо меж лопаток наклонившегося мутанта. Тело, насаженное на острие его меча, будто на вертел, затряслось ненадолго, после чего обмякло. Брюннер высвободил оружие из изъеденного болезнью несчастного и резко развернулся, чтобы встретить следующего неприятеля.

Им оказался громадный зверолод, который ранее запнулся о сраженного загадочным металлическим шипом мутанта. Другой его соплеменник уже лежал на земле, из груди его торчал еще один необычный стальной зуб. «Очень кстати», — подумал Брюннер, разглядывая противника. Ему с лихвой хватало даже одного такого здоровяка.

Пестигор щелкнул клыкастыми челюстями, когтистые лапы крепче сжали рукоять шипастой булавы. Глаза чудовища сочились гадкой, желтоватой жижей, вокруг козлиной головы с жужжанием летали мухи и гнус. На груди, меж прожженной паршивой шерсти, ярко выделялось злотворное клеймо. При взгляде на эту отвратительную руну Брюннер ощутил, как в нем поднимается омерзение, но он вовремя справился с охватившим его чувством и едва успел отбить в сторону свирепый удар чудовища. Пестигор вскинул башку, рявкнув что-то неприличное на своем грубом наречии, затем махнул снова. Охотник за головами сумел отвести от себя мощный удар, лишь вложив в выброшенный навстречу клинок весь вес своего тела.

Уголкем глаза Брюннер смог заметить, что другой мутант подбирается к нему со спины, сжимая в уродливых руках короткое кабанье копые^[4]. Не видя возможности разойтись с пестигором, Брюннер понял, что мало что сможет сделать, чтобы защититься от тычка в спину. Он попытался обойти своего громадного противника, чтобы тот оказался между ним и мутантом-копейщиком, но зверолод не дался — он принял удар по предплечью, но не сдвинулся с места. Он тоже увидел, как мутант движется к Брюннеру, и не собирался уступать преимущества.

Затрещала сталь, проходящая с хрустом через кость, и где-то у Брюннера за спиной последовал звук падения тела. Козлиная морда пестигора исказилась в гримасе дикой ярости, а охотник недолго гадал, в чем ее причина — мутанта-копейщика только что подстрелили. Брюннер не дал пестигору времени обратить ярость себе на пользу. Проскользнув сквозь его защиту, он полоснул мечом по животу, от чего внутренности чудовища вывалились в грязь. Зверолод отшатнулся, потянувшись к мешанине, веревками свисающей из брюха, и выронил булаву. Брюннер снова ударил наотмашь, на этот раз почти отрубив тому руку. Роняя с клыков кровавую пену, пестигор воздел рогатую голову к глухому небу и гневно взревел. Как только Брюннер двинулся вперед, чтобы нанести решающий удар, тот опустил башку и выблевал струю мерзости ему прямо в лицо.

Настал черед охотника за головами отойти, пошатываясь, назад от своего врага. Утирая рукой в перчатке покрывавшую лицо красную дрянь, он с отвращением обнаружил, что кровавые слюны кишат извивающимися червями. Брюннер едва прочистил глаза, чтобы увидеть, что пестигор уже обрушился на него, вцепившись оставшейся лапой ему в плечо и с силой подтягивая охотника к могучим рогам, которые вились на его чудовищной башке. Брюннер проткнул зверолоду бок клинком, вогнав меч в гнилую плоть зверя на всю длину, и пронзил тому почерневшее сердце. Пестигор пал на колени, злобно пялясь Брюннеру в глаза, пока его поганая жизнь медленно покидала уродливое тело. Хватка на плече разжалась, и под бесстрастным взглядом Брюннера пестигор, откинувшись назад, рухнул в пыль.

Охотник за головами отвернулся от павших врагов, чтобы осмотреть своих животных. Возле тех, неуклюже уткнувшись в землю, лежали три мутанта. Двое, по всей видимости, пали жертвой таинственного стрелка, который очень кстати пришел Брюннеру на помощь. Остальные бежали вниз по дороге, отбросив мысли поживиться поклажей и провизией и торопясь скорей унести ноги. Брюннер крупно шагнул к своим лошадям, чтобы посмотреть, нет ли на них ран, и чтобы достать с седла Зверя свой арбалет на случай, если те уродливые названные гости снова осмелеют. Как только он приблизился, Зверь с Сундуком стали пятиться от него, и только мягким словом и осторожным шагом он смог удержать коней от бегства. Погладив Зверя по шее рукой в перчатке, Брюннер незаметно достал арбалет из чехла и вставил в паз похожий на коробку магазин с болтами. Затем повернул голову в ту сторону, откуда по его суждению прилетели таинственные стальные стрелы. Обнаружив, что по бугристому склону невысокого холма спускается одинокий всадник, он не удивился. Опершись на конский бок и держа арбалет наготове, Брюннер ждал приближения своего неизвестного доброжелателя.

Ожидание вышло недолгим, и вскоре Брюннер оказался лицом к лицу со стройным и высоким мужчиной верхом на белом скакуне схожего сложения, выведенным скорее для скорости, нежели для сражений. Сам мужчина был целиком укутан в черное — от кожаных сапог до кожаной же шляпы на голове. Грудь пересекал ремень из того же материала, в петельки, торчавшие вдоль его поверхности были вставлены длинные стальные шипы. К ремню, опоясывающему талию воина, крепилось несколько сумочек, похожих на коробочки, а также длинный меч с трехгранным кинжалом, простое, рабочее оружие, которое предпочитали профессиональные тильянские бретеры. На седле перед всадником лежало необычное устройство, сработанное из бронзы и стали, которое выглядело так, будто не могло решить, чем хотело стать, когда вырастет — арбалетом или же мушкетом.

Брюннер поднял глаза и взглянул в спрятавшееся в тени широкополой шляпы лицо всадника. Изможденное, изголодавшееся, с жестокими глазами, поблескивавшими каким-то дикарским лукавством. Острый его нос торчал книзу над тонким, почти безгубым ртом и куцыми черными усиками. Таких рож Брюннер перевидал достаточно. Лицо хищника. Лицо человека, похожего на него самого.

— Надеюсь, ты не против моего вмешательства, — произнес всадник, остановив коня в нескольких ярдах от Брюннера, — похоже, ты откусил больше, чем смог прожевать. — Мужчина с лисьими, пронирыливыми глазами недобро хохотнул. — С дюжиной зверолодов не справиться даже великому и ужасному Брюннеру.

— Они просто не знали, как меня зовут, — парировал Брюннер, — не то взяли бы с собой вдвое больше. — Острота вызвала у всадника очередной сардонический смешок. Брюннер продолжил буравить собеседника холодным взглядом, кожа перчатки скрипнула на сжатом покрепче арбалете. — Скажи мне, Сабарра, как это ты оказался в нужном месте в нужное время? В промысел божий я никогда особенно не верил.

В ответ Сабарра ухмыльнулся своему коллеге.

— Если ты думаешь, что я тебя ждал, то ты прав. Есть кое-что, о чем нам двоим нужно поговорить. — Всадник откинулся в седле и махнул в сторону лежащих в беспорядке на земле мертвых мутантов. — Но это может подождать, а пока давай уйдем подальше от дороги. Просто, на случай, если их дружки решат, что драпанули зря и вернутся обратно.

Охотники за головами вместе отправились по южному участку, отдаляясь тем самым от деревеньки под названием Дечимас. Сабарра, прищурившись, с неприкрытым любопытством и подозрением разглядывал своего соперника. Брюннер же, со своей стороны, похоже, едва обращал внимание на тильянца, только время от времени вытирал себе лицо тряпкой, смоченной водой из бурдюка. Но внешним его видом Сабарру было не обмануть, тот знал, что рейкландец прямо сейчас прокручивал в уме множество планов, как ему избавиться от Сабарры.

— Ты, конечно, знаешь, что я выехал за той же целью, что и ты, — объявил Сабарра. Лучше было вынести этот вопрос на обсуждение пораньше. — За голову Риано заплатят прилично. — Брюннер, однако, не обернулся к Сабарре, только намочил еще раз тряпку. — Хватит и двум охотникам, если те не жадные, — продолжил Сабарра. Брюннер холодно оглядел убийцу с лисьим лицом.

— А что, если упомянутые охотники жадны? — поинтересовался он. Черты Сабарры искривила жестокая улыбка.

— Тогда дело может принять скверный оборот, — ответил тот. — Один из них может добраться до места

раньше другого. И, если Риано окажется в компании своих дружков, может получиться не очень здорово. — Рука Сабарры взметнулась вверх, поймав пальцами в перчатке жужжащую муху. — И, конечно же, в добавок этому охотнику придется почаще оглядываться, — предупредил Сабарра, раздавив муху в кулаке. — Потому что, даже если он устроит все лучшим образом, у него в любом случае окажется то, чего хотел другой.

— А если бы эти охотники решили, что они не жадные? — спросил Брюннер, опустив руку. Увидев, как близко ладонь Брюннера задержалась возле пистолета, Сабарра обеспокоенно прищурился.

— Они могли бы решить поделиться друг с другом, — предложил тильянец. — Разделить все напополам. И опасности, и золото было бы в равной доле поделено между ними. Недурная затея, учитывая, что эта местность кишит зверолодами и спятившими от чумы крестьянами.

Брюннер глубокомысленно кивнул и поднес тряпку обратно к лицу.

— Разумеется, переставать оглядываться им было бы глупо, — предупредил он. Лукавого взгляда Сабарра даже не прятал. — Но, допустим, эти охотники пришли к соглашению, с чего бы они начали?

— С обмена информацией, — сообщил ему Сабарра. — К примеру, почему мы едем все дальше от Дечимас, а не наоборот?

— Потому что, как знаем мы оба, Риано там нет, — ответил Брюннер. — Дечимас потерян — там уже поработала красная оспа.

— Тогда почему на юг? — не уступал Сабарра. Но рейкландец продолжал обтирать себе лицо.

— Тебе бы научиться отводить больше времени на изучение цели, — посоветовал Брюннер. — Не ставь все на одного осведомителя. У меня есть основания полагать, что, если Риано пришлось уходить из Дечимас, он направился на юг.

— И какие же именно основания? — спросил Сабарра.

— Предпочту эту информацию попридержать, — ответил Брюннер. — Так мне не придется постоянно оглядываться.

Пытаясь унять дикий, раздражающий зуд, ввертывающийся ему в кожу, рейкландец продолжал промакивать покрывшееся волдырями лицо. Заметив эту скверную сыпь, Сабарра заулыбался еще шире.

— Я бы уже начал волноваться, — сообщил он Брюннеру. — Кто знает, что за мерзость была в крови того зверя. На твоём месте я бы добрался до ближайшего хосписа Шаллии и дал жричкам сделать кровопускание, чтобы зараза вышла. Может, кто-нибудь другой закончит за тебя эту охоту, а долю занесет попозже.

Брюннер выбросил тряпку.

— Я или умру, или нет, — отчеканил он. — Ползать на брюхе ни перед кем не собираюсь, даже перед богами. Кончено с этим, в их игры я наигрался.

— Давай аккуратнее, — забеспокоился Сабарра. — Умрешь, и я могу вообще не найти Риано. А мне совсем не хочется упустить награду из-за того, что какой-то болван-безбожник взял и подхватил чуму.

В ответ Брюннер угрожающе-могильным тоном произнес:

— Тогда, давай, начинай молиться, чтобы я не заболел.

В вонючую хибарку вполз изъеденный болезнью мутант, сгибавшийся едва ли не вдвое и вздрагивающий при каждом шаге, будто не был человеком вовсе, а побитой дворнягой. В комнате, в которую он вошел, был бардак: разбросанная мебель, покрытые кровью и слизью стены, снующие в воздухе жужжащие мухи. На полу валялись тела, и, по мере того, как некротические бактерии проворно пожирали больную плоть, кожа их чернела — это был последний и фирменный знак жуткой красной оспы. Но не напоминание об этом отвратительном заболевании обескуражило жалкое создание, которое было когда-то человеком, причиной тому стали пятеро фигур в доспехах, грозно маячивших у дальней стены.

Воины были огромными, неповоротливыми чудовищами, их могучие тела закованы в латную броню из изъеденной ржой стали. На нагрудниках отпечатан знак их хозяина, демонического бога, которому каждый из этих гниющих воинов отдал свою душу и жизнь. Три круга с тремя стрелами — знак Нургла, Дедушки мора и разложения. Воины Хаоса даже не повернули свои закрытые шлемы, чтобы посмотреть на медленно ползущего к ним мутанта, вместо этого они увлеченно рассматривали растянувшуюся перед ними на полу убогую фигуру. Это был старик, изуродованный большим количеством красных гнойников, покрывавших его кожу. Его больное тело содрогалось и тряслось, порожденная чумой мучительная агония разрывала его, но воины Хаоса не намеревались пошевелить и пальцем, чтобы положить конец его страданиям. Чума являлась делом рук их бога, а все происходящее было для них таинством, и они почтительно стояли там, будто находились пред лицом своего отвратительного божества.

Мутант нервно выдохнул, дав сухому кашлю сорваться с напряженно-молчаливых губ. Воины повернули стальные лица на этот звук и вперили в него свой горящий взор. Мутант, поборов желание удрать, остался на месте, а стоявший в середине бронированный воин двинулся на него. Тварь была гигантской, стальной ее доспех пропадавал где-то под массой зеленой гнили, с шипов на наплечниках свисали кожаные ремни, на которых болтались самые разные перемазанные гноем трофеи. Шлем воина был выполнен в форме какого-то исполинского насекомого, а за мелкой сеткой отверстий, которыми была изрыта личина этого шлема, не было видно и следа глаз. Моровой знак, вытравленный на его нагруднике, болезненно тлел, отмечая благосклонное отношение к этому существу его демонического хозяина, выделяя его как чемпиона Хаоса.

— Ез-зсть приж-жчина, пож-жчему ты отвлекаеж-жшь наз-зс, — донесся из-под шлема протяжно жужжащий голос чемпиона. От этого неестественного звучания мутант съежился и повалился перед жуткой фигурой на колени. Пулстлиц дал ему на ответ только мгновений, после чего его сразу же охватило раздражительное нетерпение, а закованная в доспех рука пала на рукоять висящего на боку громадного меча. Выщербленное лезвие великанского клинка из ржавой стали сочилось мутной дрянью, и эта мерзость с шипением капала на пол.

— Пощади, почтенный господин! — прокричал мутант голосом, который словно бы булькал откуда-то со дна его брюха. — Твой раб не хотел отрывать вас от вашего священнодействия! Я пришел принести весть о том, что Фолгор больше к нам не вернется.

Под насекомообразным шлемом закипело, заскрежетало рычание. Пулстлиц угрожающе сделал еще шаг к мутанту. — Этот параз-зит сз-змеет противиться моему приказ-зу! За предательсз-зтво Нургла я выреж-жу имя Пулз-злитз-зца у него на костях! — Остальные воины Хаоса опасливо поглядывали на своего предводителя, слишком хорошо зная, что, когда чемпиона охватывало такое состояние, смерть неизменно витала рядом. Мутант уткнулся лицом в землю, не решаясь даже взглянуть на избранника

Чумного бога.

— Фолгор мертв, — прохныкал мутант. — Убит на проселке путником, который не был отмечен дарами Дедушки!

— Вы поз-зсмели напасть, когда я приказ-зал оставаться з-здесь? — потребовал ответа Пулстлиц, и дребезжащий голос его, казалось, исходил не из одной, но сразу из дюжины глоток. — Когда мне нужен каж-ждый паршивый з-зверолоуд и каждый прислужник! Именно сз-зсейчас вы выбрали время осз-злущаться меня? — Взбешенный чумной чемпион занес стальной саботон и стал топтать им униженно склонившегося мутанта. Пулстлиц всем весом обрушивался на шею несчастного, уже треснули кости, а он продолжал расплющивать череп жалкого создания ногою об пол. Когда под саботоном не осталось ничего твердого, Пулстлиц обернулся к своим воинам.

— Ж-ждать больше нельзя! — протянул чемпион Хаоса. — Сз-зсегодня ночью мы выдвигаемся к хоз-зспису! Я сож-жгу его своими руками! — Воины не задержались ни на секунду, чтобы обсудить приказ своего предводителя, и поспешили за чудовищем на ночную улицу. Старик же остался причащаться тайн Чумного бога в тишине и одиночестве.

Сабарра наблюдал, как вдали наконец показались белые стены нужного им строения. Охотник за головами чуть слышно выругался. Наконец-то, давно пора было удаче хоть как-то ему улыбнуться. С тех пор как он отправился за головой Риано, его встречали препятствия за препятствиями. Сабарре казалось уже, что сами боги подкладывали ему на пути все несчастья, какие только могли выдумать, словно он был могучим героем какой-нибудь луччинийской легенды, а не наемным убийцей, который просто хотел жить и наслаждаться жизнью. Он плюнул в дорожную пыль. Боги! Как будто им было дело хоть до чего-нибудь. Отвечать на молитвы они определенно были не в настроении.

Охотник за головами оглянулся через плечо на вереницу уныло плетущихся позади животных. В седле самого крайнего сидел Брюннер, старый соперник и с недавних пор напарник Сабарры. Тильянец снова выругался. Предупреждал он Брюннера, чтобы тот не дразнил богов, но этот горемыка-рейкландец все упорствовал. Вот и заболел, подхватив какую-то дрянь, которая жила в крови убитого им пестигора. Уже три дня болезнь терзала тело Брюннера, и тот то и дело терял сознание.

Проклиная свою невезучесть, Сабарра потрянул головой. В минуты ясности, которые случались все реже, мысли Брюннера блуждали где-то, барахтаясь в грязи кровавого наемничьего ремесла. Впрочем, у него еще хватало здравомыслия, не отвечать Сабарре, который наводящими вопросами пытался выудить побольше информации, в особенности, касательно Риано и той дыры, в которую перебрался этот вор. Губы Брюннера вовремя смыкались, поддаваясь какому-то глубоко засевшему в нем инстинкту самосохранения. Взгляд охотника на миг прояснился и впился в глаза Сабарры.

— Вези меня к целителю, — прохрипел его голос. — И я скажу все, что захочешь услышать.

По всем правилам Сабарра должен был просто бросить Брюннера. В свое время он достаточно перевидал больных красной оспой, и мог распознать ранние ее стадии. Но золото, которое предлагали за Риано, маячило перед ним так соблазнительно, что он посадил ослабшего наемника в седло Зверя, стянув тому руки на шее животного, а ноги — под брюхом. Привязав таким образом Брюннера к коню, Сабарра направился в единственное место, где, по его разумению, человек, страдающий от красной оспы, мог найти кров и участие. Надеялся он лишь на то, что Брюннер сумеет до него дотянуть.

Белые стены постепенно увеличивались в размере, стали видны узкие крестовидные окна и толстые

опорные контрфорсы, делящие однотонный алебастровый фасад на равные части. В тени под стенами Сабарра сумел разглядеть оборванцев — скучившихся в огромном количестве обездоленных людей. Настроение охотника за головами упало еще немного. Каковы же были масштабы этого поветрия? Казалось, что у стен лагерем встала половина Тилеи. Он опять с волнением бросил взгляд через плечо, пытаясь узнать, отреагировал ли Брюннер хоть как-то на это зрелище, но тот пребывал в том же состоянии, что прежде, и сколько это уже продолжалось Сабарра даже знать не хотел. Тильянец снова повернулся к стенам, заметив в этот раз огромную яму, вырытую в земле на некотором расстоянии к западу от сооружения. Рядом суетились мрачного вида фигуры в капюшонах, бросавшие в зияющую пропасть обнаженные тела, словно семена в лунки. Сабарра выдохнул только через минуту, не заметив даже, что задерживал дыхание. Из всех смертей, которые он мог вообразить, худшей из возможных, пожалуй, была перспектива сгинуть в чумном могильнике. Сабарра еще раз глянул на своего подопечного и нахмурился.

Как только Сабарра выяснит то, что нужно, ему и дела не будет до того, где окажется Брюннер. Все, что требовалось от рейкландца, это цепляться за жизнь достаточно долго, чтобы прийти в себя еще хотя бы раз.

Когда Сабарра подъехал ближе к обнесенному белыми стенами зданию, охотника за головами встретила безрадостная атмосфера, густая настолько, что, казалось, налипала ему на лицо. Тильянец старался не смотреть вниз, чтобы не видеть павших духом, потерянных существ, валявшихся, раскинув руки и ноги, на земле вокруг него. Многие были уже похожи на мертвецов, и только остекленевшие глаза, вращавшиеся на усыпанных нарывами лицах, давали понять, что бедняги могли еще сделать вдох-другой. Кое-кто из этих жалких созданий сумел построить себе некое подобие палаток из тряпок и звериных шкур, подавляющее же большинство просто лежало на земле под открытым небом, не кутаясь даже ни во что от ночного холода. Сабарра старалась не думать о том, сколько из этих заблудших душ отлетят за врата Морра еще до следующего восхода солнца. Наверное, даже милосерднее было дать им замерзнуть насмерть, а не сгинуть от мучений, когда красная оспа примется выворачивать тела наизнанку пока не наиграется.

Сабарра медленно вел коней через скопище больных беженцев, животные отчаянно старались не наступить на убогих горемык. Как только охотник за головами увидел арочный проезд, ведущий к укрытому за белыми стенами зданию, и переливавшегося на солнце мраморного голубя над замковым камнем арки, он позволил легкому вздоху облегчения вырваться из горла.

— Ну, друг, — начал Сабарра, оглянувшись еще раз на все так же неподвижного Брюннера, — вот и она, Обитель Семи благодатей, шаллийский хоспис.

И, словно бы в ответ на его слова, в арке внезапно появилось несколько мужчин, вышедших из внутренних помещений хосписа. На троих были доспехи, уши к головам туго прижимали узкие шлемы. Вокруг глаз красные круги, страдальческое и утомленное выражение лиц. В том, как они держали копья, впрочем, никакой усталости не чувствовалось. Еще трое мужчин в простой холщовой одежде молельщиков Шаллии, пытели под весом тщедушной и бледной ноши. За мужчинами, несущими труп, следовала пара жричек в белых одеждах, одна была с факелом, вторая — с ворохом тряпок, в которые, как сообразил Сабарра, когда-то был одет покойник. Во время чумы это было обычным делом. Тело спешно хоронили, а одежду и постельное белье жгли, чтобы заразу не подхватил кто-нибудь еще.

Жрица с факелом посмотрела на сидящего верхом охотника за головами, вокруг ее наполненных усталостью глаз были красные круги. Но Сабарра немного удивился даже, увидев, что под морщинами

от перенапряжения и тревог обнаружилось весьма миловидное личико. Он по опыту знал, что ряды жричек обыкновенно пополнялись дочерьми, которых их отцы сочли негодными для выгодного замужества. Стоило лицу охотника скривиться в едва заметном намеке на похотливую ухмылку, глаза женщины сразу же неодобрительно сузились, и тень вокруг лица, которую отбрасывал капюшон ее рясы, будто бы стала гуще.

— Наемник, что тебе здесь нужно? — спросила жрица мягко, но требовательно. Сабарра отметил, что голос ее обладает привычной командирской твердостью, и предположил, что она, скорее всего, занимает здесь высокое положение, возможно даже место сестры-настоятельницы, отвечающей за всю обитель. Приняв это в расчет и вспомнив, зачем сюда явился, охотник за головами стер ухмылку с лица и сосредоточился на делах.

— В вашей обители я ищу утешения, — ответил Сабарра. — Прошу милости и благословения Шаллии.

Жрица сделала шаг вперед, и факел прогнал тень с ее лица.

— Вы больны? — спросила она.

Сабарра покачал головой.

— Нет, — ответил он и махнул рукой в сторону животных, стоявших позади его скакуна. — Но мой друг отчаянной нуждается в лечении. — Голос Сабарры стих до могильного шепота. — Боюсь, что у него красная оспа.

С сожалением вздохнув, жрица кивнула капюшоном.

— Твой друг такой не один. Многие пали жертвой оспы, и, прежде чем эта напасть стихнет, вслед за ними уйдут еще больше. На милости Шаллии большой спрос в эти дни, наш хоспис переполнен сверх всякой меры, и мы никак не можем предоставить убежище всем, кто сюда приходит. — Она простерла руки, указав на массу обездоленных, собравшихся возле стен. — Красная оспа скоротечна, стоит ей укорениться в плоти, изгнать ее становится очень трудно. И мы не откажем тому, в ком инфекция незначительна, кто еще в состоянии выздороветь, ради того лишь, чтобы дать ложную надежду тому, для кого уже слишком поздно.

Сабарра сжал зубы. Стоило ожидать такого приема, еще когда он увидел целый лагерь доходяг, обосновавшихся у порога хосписа. Он ткнул пальцем в тело, которое выносили мужчины.

— Кажется, по меньшей мере, одна койка осталась без хозяина.

Жрица покачала головой.

— И еще двадцать уже ждут, чтобы занять ее, — грустно произнесла она, поворачиваясь, чтобы проследовать за страшной процессией.

— Проклятье! Вы могли бы хоть взглянуть на него! — прорычал Сабарра. Жрица снова повернулась, сверля глазами охотника за головами. В конце концов она вздохнула и направилась к боевому коню, стоявшему позади Сабарры. Как только она приблизилась к Зверю, и взгляд ее упал на мужчину, закрепленного веревками на спине животного, шаги женщины замедлились. Рука, которой она потянулась к больному и которой она подняла его голову, чтобы заглянуть в лицо, дрогнула. Жрица отшатнулась, как будто в руке ее оказалась змея.

— Мест нет, — повторила она дрожащим голосом. Привязанный к седлу склонил голову на бок и

негромко шепнул:

— В выборе добычи разборчивой бывает даже богиня милосердия, — едва сумел просипеть угасающий голос Брюннера, прежде чем голова охотника упала обратно на гриву Зверя. Жрица гневно оглядела больного, затем вновь повернулась к Сабарре.

— Веди его внутрь, — велела ему Элизия. — Сестра Марсия покажет, куда. — Она не стала ждать от охотника за головами ответа, и быстрым шагом направилась вслед за похоронной процессией, подгоняемая сомнениями и страхом, которые ледяными пальцами сжали ей сердце.

Она надеялась никогда больше не увидеть этого лица, никогда не услышать безжалостного и хриплого голоса. Почти год прошел с тех пор, как она совершила миссию милосердия к Бертоллуччи, семейству богатых купцов из Миральяно, которые перебрались в загородную виллу, чтобы улизнуть от оставшихся в городе врагов. Но враги эти послали за ними в погоню человека, наемного убийцу, который должен был вытащить их из укрытия. Брюннер наткнулся на Элизию «совершенно случайно», когда та направлялась к вилле, и по воле обстоятельств угрюмый охотник за головами стал ее защитником от рыщущих по окрестностям звероловдей. Жрица и не знала даже, что у них обоих на вилле были дела: у нее — принести в мир новую жизнь, у него — изгнать из него старую. Еще несколько месяцев после этого ее терзали отчаяние и вина за то, что она дала себе сделаться невольным сообщником этого убийцы, за то, что из-за ее действий погиб хороший человек.

Как же она желала Брюннеру смерти. Пусть он и спас ее тогда, по дороге на виллу, но лишь для того, чтобы воспользоваться ею. Она ничем не была обязана этому безжалостному убийце. И вот, желание ее сбывалось — Брюннер оказался в лапах красной оспы, и яд ее струился по его телу. Он умрет, медленно и чрезвычайно мучительно. Почему тогда она впустила его в хоспис?

Потому что дала нерушимый обет сражаться с силами чумы, потому что Брюннер поставил под сомнение ее принципы, заставил ее задуматься, пренебрежет ли она этим священным долгом для того лишь, чтобы дать себе утолить жажду мести. И отнюдь не исполнение ее чаяний сулило прибытие охотника за головами, но самое тяжкое испытание веры, которое она когда-либо выносила.

Элизия помедлила, бросив через плечо обеспокоенный взгляд на белые стены хосписа. Да, испытание, но по силам ли оно ей?

Пока пара здоровяков-молельщиков опускала Брюннера на соломенный тюфяк в одной из переполненных палат хосписа, Сабарра стоял в сторонке. В помещении, рассчитанном на содержание примерно двадцати больных, был расчищен каждый свободный дюйм, чтобы вместить почти пятьдесят. Мужчины подвинулись, позволив хмурой жрице осмотреть нового пациента. Пожилая женщина извлекла небольшой ножичек и принялась срезать с охотника за головами одежду и доспехи, сноровистые руки ловко вынимали из-за пояса Брюннера оружие, и терзаемый болезнью наемник лежал, не шелохнувшись, пока старушечья рука не потянула украшенную драконом рукоять меча. В ту же секунду рука Брюннера, словно выпущенная из пистолета пуля, вцепилась в оружие, и его пальцы так сжали лезвие, что побелели костяшки. Жрица подергала застрявший клинок, пытаясь высвободить его из рук больного.

— Он не хочет, чтобы вы брали его меч, — констатировал Сабарра. — Советую оставить его на месте.

Бросив на тильянца кислый взгляд, старушка отпустила «Драконью злобу» и продолжила спешно снимать оставшиеся части доспеха. Покончив с этим, она собрала вещи охотника за головами и, даже не

оглянувшись, широким шагом вышла из палаты. Сабарра подождал, пока та уйдет, и присел на корточки рядом с тюфяком Брюннера. Противодействие охотника жричке, которая пыталась забрать у него меч, вселило в Сабарру надежду на то, что его компаньон мог вернуться на какой-то момент к состоянию относительной вменяемости.

— Брюннер, мы в хосписе, — сказал ему Сабарра. Охваченный болезнью мужчина еле-еле повернул голову в его сторону. — Ты в Семи благодатях.

Едва Брюннер услышал название, глаза его резко раскрылись. Охотник за головами недолго смотрел на Сабарру, затем оглядел остальную палату. Даже стучась уже во врата Моррова царства, он как будто изучал лица окружавших его людей, пытаясь отыскать какую-нибудь примету, которая могла бы присвоить лицу имя, а этому имени — цену.

— Ты сказал, что, если я приведу тебя сюда, ты скажешь мне, куда сбежал Риано, — напомнил ему Сабарра. Голова Брюннера откинулась назад, чтобы он смог опять оглядеть своего соперника по наемничьему ремеслу. Ослабевшие губы растянулись в легкой улыбке.

— Я... Я пере... Пересмотрел... Нашу договоренность. — Слова вырвались прерывистым шепотом. Лицо Сабарры побагровело от гнева, рука пала на кинжал, вложенный в висящие на бедре ножны. — Тебе... Тебе стоит... Снова начать молиться, — посоветовал тильянцу Брюннер, словно не заметив его злости. — И молись, чтобы я... Чтобы я поправился.

Слова Брюннера смолкли окончательно, глаза закрылись. Сабарра наблюдал за тем, как обмякло тело охотника за головами, и какая-то его часть надеялась, что болезнь прикончила рейкландца. Другая же его часть с облегчением отметила, что грудь больного неизменно продолжает вздыматься и опускаться. Пока Брюннер мог еще втянуть в себя воздух, оставался шанс, что Сабарра сможет вытянуть из умирающего нужную информацию.

Тильянец поднялся, с гадливостью взглянув на убогих, стенающих людей, которыми была набито помещение, достал помандер^[5] с чесноком, который носил под курткой, поднес коробочек к носу и вдохнул пары антисептического средства. Чеснок, по слухам, защищал от болезней, но проверять это утверждение дольше, чем необходимо, у охотника за головами большого желания не было. Резко повернувшись, Сабарра прошествовал из палаты с твердым намерением подышать воздухом почище. Так или иначе, скоро он избавится от Брюннера.

Никогда не отнимать у человека жизни. Элизия стояла на коленях в крошечной часовенке перед скромным алтарем. Во владениях обители было три таких, но лишь эту использовали по назначению. Остальные же переоборудовали в инфирмерии^[6], как поступили ранее с внутренним двориком и многими кельями, в которых прежде размещались сами жрицы. Они жили теперь совместно и спали по очереди по четыре часа.

Элизия подняла глаза к небольшой мраморной статуэтке, стоявшей наверху алтаря — это было изображение прекрасной женщины, выполненное в классическом тильянском стиле, в руках ее лежало сердце из золота, и она будто бы протягивала эту поблескивающую часть тела любому молельщику, вставшему перед идолом на колени. Символически это олицетворяло бескорыстную жертвенность богини милосердия: принесение в дар собственного тела, дабы страждущие могли найти покой и утешение, больные — исцелиться, хромые — встать на ноги. Пример, которому приверженцы ее учения должны были следовать, эталон, к которому должно было стремиться.

Никогда не отказывать нуждающемуся в исцелении.

Такими были обеты, которые она дала, порвав с прежней своей разрушенной жизнью и став служительницей Шаллии. Но никогда еще она не ощущала так остро их тяжести. Они легли на нее тяжелыми цепями, обвив тело и не давая вздохнуть.

Охотник за головами. Из всех мест, почему он пришел именно сюда? Он умирал, Элизия легко поняла это в тот краткий миг, когда ее глаза снова увидели его бесстрастное, расчетливое лицо. В его плоти уже укоренилась красная оспа. И, что бы жрица ни сделала, спасти его она не могла.

Или ей просто хотелось так думать? Легко было бы отойти в сторону, и дать болезни сделать свое дело. Это стало бы только воздаянием Брюннеру за то, как он использовал ее, только мезтью за всю ту кровь, в которой были испачканы руки этого человека.

Никогда не отнимать у человека жизни. Пробормотав вполголоса клятву, Элизия смутилась. Если она даст Брюннеру умереть, чем она будет лучше него? Уже за то, что она невольно стала пособницей убийства ее терзали муки совести. Как сможет она жить, погубив еще одного? Как продолжит служение Шаллии, обагрив кровью свои руки?

Если болезнь заберет Брюннера, она никогда не будет уверена в том, что не она это допустила. И сомнение навсегда затаится в ее глазах и потаенных уголках ее души.

Поднявшись, Элизия направилась к алтарю. Оставалось лишь одно. Она обошла алтарь с другой стороны и приподняла одну из каменных плиток. Из углубления под ней она достала бутылочку из темного бретоннского стекла. Святая вода из куроннского храма, священного источника, через который в мир людей просачивались слезы богини. И они были куда ценнее золота, ведь Слезы Шаллии содержали чудесную исцеляющую силу. Семь благодатей никогда не держали большой запас этой жидкости, лишь столько, сколько хватало, чтобы оградить самих жриц от болезней, которые они старались вылечивать, ибо какой толк от целителя, если тот сам станет жертвой чумы?

Элизия поднесла бутылочку к груди, прижав ее ближе к сердцу. Иные служительницы могли бы назвать ее поступок святотатством, напрасной тратой бесценной святой воды на душегуба и наемного убийцу. Но лишь так она могла обрести уверенность, лишь так могла вновь найти покой.

Брюннер застонал, когда женские руки мягко подняли его голову с соломенного тюфяка, и к губам прижалось холодное стекло. Глаза охотника за головами широко раскрылись и уставились в хмурое лицо Элизии. Жрица цепко посмотрела на него в ответ, в глазах горела ненависть.

— Я пришла покончить с эти фарсом, — негромко прошипела она наемнику и пихнула бутылку повыше, давая содержимому пролиться Брюннеру в рот. Холодная жидкость потекла по его распухшему горлу, и тот закашлялся.

— Будь ты проклят, что вообще пришел сюда, — выплюнула Элизия, убрав бутылку. Вот, она уже видела, как чудодейственная жидкость начала делать свое дело, и с глаз Брюннера исчезала краснота. — Хоспис набит мужчинами и женщинами, каждый из которых стоит дюжины таких, как ты, а я трачу этот бесценный дар на бесчувственного паразита.

— Потому что я... Я спас... Тебе жизнь? — спросил наемник.

Покачав головой, Элизия отвернулась.

— Потому что я слишком эгоистична, чтобы дать тебе вдохнуть.

Пулстлиц пристально смотрел на белые стены хосписа, в его оскверненном теле кипела ненависть и отвращение. Благословение Нургла, Повелителя чумы, было священным, чудесным даром, ниспосланным людям самым могущественным из богов. И все же, так мало было тех, кто готов был принять его; подобно крысам, остающимся на тонущем корабле, большинство цеплялось за свои привычные, старые жизни. Культ богини Шаллии возник, процветая на этой глупости, изгоняя дыхание Нургла из тел человеческих. Чемпион Хаоса сжал рукоять своего гниющего меча. Это будет не просто набег, не просто бойня во имя Темных Богов. Для Пулстлица это станет отмщением за поругание его веры, уничтожением тех, кто нанес оскорбление богу, которому он служил.

Чумной чемпион устремил взгляд к одетым в лохмотья фигурам, устроившим лагерь подле стен хосписа. Он мог видеть метку Чумного бога, болезненно-зеленое свечение, которое, словно бы парило над каждым из них. То были люди, в которых благословение Нургла утвердилось так прочно, что шаллийские жрицы не в состоянии были изгнать его из их тел. Они уже принадлежали Нурглу, уже шествовали по дороге, которой суждено было привести их к царству Чумного бога. Но прежде, они сослужат Нурглу последнюю службу.

Пулстлиц оглядел ряды охваченных мрачной задумчивостью воинов Хаоса в черных доспехах, изъеденных болезнью мутантов в лохмотьях, культистов Чумного бога и покрытых шерстью пестигоров с козлиными головами. Чемпион дал их звериному нетерпению омыть себя, чтобы их рвение отомстить за хулу на их божество воспламенило и его самого. Он вытянул ржавый меч, и на траве у его ног закипела мерзость.

— Гоните сброд к сз-зтенам! — прогудел дребезжащий голос Пулстлица. — Пусть уз-знают, что мы пришли! Пусть уз-знают, что Смерть уже з-здесь!

Сабарра расположился в старом внутреннем дворике верхом на перевернутой бочке, которую жрички выбросили после того как раздали содержимое пациентам. Охотник за головами старался не думать о больных доходягах, лежащих повсюду вокруг него, сосредоточившись вместо этого на стоявшей перед ним задаче. На коленях у него спокойно лежала стальное цевье аркебузы, сам же охотник за головами был занят чисткой ствола, заключавшейся в удалении сохранившихся в ствольном канале частичек пороха. Монотонная и механическая работа, на которой мозгу Сабарры концентрироваться было не обязательно. Вместо этого он обдумывал их соглашение с Брюннером и цену за голову Риано. Любая охота была связана с риском, но из-за всей этой красной оспы Сабарра быстро приходил к выводу, что деньги, которые давали за Риано, того не стоили.

От работы его оторвали крики. Охотник за головами повернул голову в сторону, откуда они доносились. Закричали еще люди, к ним присоединились другие, произведя за стенами хосписа настоящую какофонию ужаса. Сабарра подскочил и бросился к узким крестовидным окнам, выходящим из стены. За ним побежала храмовая стража, жрички и те молельщики, чье состояние еще позволяло беспокоиться о том, что происходило снаружи.

Вид охотнику частью перегораживали тела перепуганных, больных оборванцев, вставших лагерем возле хосписа, окна были перекрыты их грязными руками и усыпанными нарывами лицами. Однако то тут, то там меж них видны были и другие фигуры, существа, нагнавшие страху на эту толпу, заставившие тех лезть на стены и молить о защите. Сабарра скривился, ведь совсем недавно он уже видел таких же —

больных, мутировавших выродков, от которых он помог Брюннеру отбиться на дороге к Дечимас.

Охотник за головами вывернулся из собравшейся у окна толпы, вытащил небольшую бумажную тубу из одного из мешочков на поясе, зубами оторвал кончик и стал засыпать порох в разверстое жерло аркебузы. Рука Сабарры потянулась к ремню стальных гарро^[7] и взяла один из смертоносных дротиков. Но, готовясь вставить стрелу в ствол оружия, он замешкался. Он снова перевел взгляд к окнам, которые теперь полностью закрывали жадные руки и отчаявшиеся лица. С толпой оборванцев, так близко подошедших к храму, ему ни за что не прицелиться как следует. Что бы за военачальник ни вел хаосскую мразь на штурм этого местечка, он оказался достаточно прозорлив, чтобы согнать больных к стенам и таким образом помешать стрелкам, случись тем выйти против него.

Исступленный стук по массивным деревянным дверям хосписа перекрыл крики и мольбы о пощаде. Вопли ужаса с той стороны двери делались все громче, но вскоре стали перемежаться другим звуками — такими, которые были знакомы Сабарре слишком хорошо — звуками, с которыми лезвия разрезают плоть, и люди захлебываются собственной кровью. Храмовая стража оторвалась от окон и поспешила ко входу. Несколько мужчин прижались плечами к двери, приготовившись защищать ее от неминуемого нападения.

Навалившиеся на двери стражники отступили вдруг, заходясь криком предсмертной агонии. Сабарра отшатнулся, увидев, как на их руках, в тех местах, что были ближе к двери, до мяса облезает кожа, как распадаются прямо на глазах колечки их кольчуг, и ржа буквально пожирает их. Оставшуюся за их спинами дверь осаждали в той же манере: ее пожирала гниль, старое дерево начинало трескаться и крошиться, железные запоры попадали на пол после того, как их проела ржавчина, деревянные панели изогнулись и лопнули, будто в них порос грибок. Двери состарились и иссохли быстрее, чем человеческий глаз мог заметить, и наконец ввалились внутрь двора.

Проем за дверью заслонили фигуры в доспехах, зловещие изваяния из железа и гнили, с лицами, скрытыми под жуткого вида шлемами. Возле, устало опираясь на посох из человеческих костей, с гордостью за свои колдовские труды взмахивало рукою чудовище с козлиной башкой. Воины в доспехах, почти не обратив внимания на шамана, шагнули вперед через разрушенный проход, давя ногами догнивающие останки двери.

Один из воинов поднял меч, с лезвия которого капала гниль, и указал им на съезжившихся перед ним людей. Из-под насекомообразного шлема прогудел рассерженный голос:

— Сз-звященнодействуйте во имя Нургла! — пророкотало чудовище. — Не оставляйте никого в живых!

В ответ на слова разъяренного чумного чемпиона вперед вышли трое жриц в белых одеждах, произносящих что-то нараспев тихими голосами. Несмотря на остроту ситуации и тот факт, что буквально через несколько мгновений ему, по всей видимости, предстоит погибнуть ужасной смертью, Сабарра ощутил, как внутри него разливается чувство спокойствия. Реакция же воинов Хаоса была совсем иной. Чудовища в доспехах вздрогнули, сделали несколько шагов назад, словно успокаивающее пение отталкивало их. Предводитель же повернул свой насекомовидный шлем к звероголовому шаману. Существо кивнуло рогатой башкой и блеющим голосом принялось что-то бормотать.

От жуткого заклинания зверолюда нечистым стал самый воздух, и почти мгновенно ощущение спокойствия начало угасать. Воины Хаоса шагнули еще. Та горстка храмовой стражи, которую разлагающее колдовство шамана не успело низвести до заходящихся в вопле людских оболочек, бросилась вперед, встав между жрицами и пятью воинами в доспехах. Пулстлиц махнул воинам, чтобы

те шли вперед, охотно дав тем утолить свой гнев на копейщиках, точно так же, как ранее он позволил толпе мутантов и пестигоров обагрить клинки кровью обездоленных людей возле стен хосписа. У чемпиона Хаоса вызывала интерес добыча лишь одного рода, и, пока стража была занята, между ним и его трофеем не оказалось никого.

Пулстлиц непримиримо глянул на женщин в белом. Те, всецело сосредоточившись на произнесении своей священной молитвы, решительно не открывали глаз. Чумной чемпион глумливо фыркнул. Порой случалось, что самые приятные в жизни вещи оказывалось легче всего заполучить. «Этой ночью вы станете полз-зять на брюхе пред моим богом и молить его о проз-щении!» Занеся клинок, Пулстлиц замер, чтобы насладиться моментом, и затем обрушил оскверненный металл вниз.

Шумно зазвенела сталь, наперерез одному мечу встал другой, чумной клинок остановился, едва не коснувшись кожи. Когда зачарованное лезвие «Драконьей злобы» столкнулось с оскверненным мечом Хаоса, на его острой кромке как будто блеснуло тусклое пламя. Встретив неожиданный отпор, Пулстлиц отпрянул и повернул шлем с глазами насекомого к глупцу, который решил встать между ним и теми, кто хулил его бога.

На посеревшем Брюннере висело коричневое рубище молельщика, сам он изо всех сил пытался удержаться на ногах, пот катился с него градом. Предполагалось, что Слезы Шаллии имели чудодейственные свойства, но и они не способны были мгновенно свести на нет несколько дней истощения и обездвиженного бездействия. Чумной чемпион фыркнул под ржавым шлемом. «Пожалуй, вот человек, которого действительно стоило убить, душа, которая, завывая, гарантированно отлетит к Чумному богу». Пулстлиц кивнул, после чего махнул гноящимся клинком, метя в шею охотника за головами. Этот мощный удар Брюннер встретил и отбил в сторону приемом, которому выучился у одного бретера-тобарца. «Этот глупец опытен, — признал Пулстлиц, — но не стоит и думать, что он сможет парировать чумной клинок бесконечно долго, а чтобы убить его, хватит одной царапины зараженной сталью».

Сколько бы ни продлилась их возня, в исходе ее Пулстлиц не сомневался.

Сабарра поднял тяжелую аркебузу и прижал ее к щеке, прищуренные глаза осматривали учиненную вокруг резню. Почти вся стража была мертва, но чумных воинов облепила со всех сторон толпа отчаявшихся молельщиков: они вцеплялись в мясников и одним только весом своих изможденных, умирающих тел притормаживали закованных в броню великанов. Совсем рядом с ним Брюннер сошелся с предводителем чумных воинов. То, как соперник Сабарры смог встать на ноги, не говоря уже о том, чтобы найти в себе силы взяться за меч, было задачей, решение которой Сабарра оставил на попозже. Пока тильянец был рад тому, что Брюннер остановил чудовище в насекомовидном шлеме, потому что у него было чувство, что если чумной чемпион доберется до жричек, живым из хосписа не выберется никто. Под звон сталкивающихся мечей шло противоборство иного рода. Сами боги сражались здесь, состязаясь друг с другом через посредство своих избранных служителей.

Сабарра развернул аркебузу к арке, внутри которой продолжал блеять и кряхтеть жутким голосом уродливый шаман. Глаза чудища мерцали болезненно-зеленым. Сабарра произнес вполголоса молитву Шаллии и поднес тлеющий пеньковый шнурок к пороховой полке аркебузы. Порошок воспламенился, оружие вздрогнуло, и все прочие звуки утонули в реве выстрела. Почти в то же мгновение к Сабарре вернулось чувство умиротворения и спокойствия. Когда стихло эхо выстрела, вернулось и пение жричек, теперь напористое, громкое, словно сами звуки были запруженной рекой, прорвавшейся наконец через разрушенную плотину. Сквозь рассеивающийся дым Сабарра с удовольствием разглядел стальной шип

своего гарро, вонзившийся в череп теперь уже мертвого зверолода.

Угасшее колдовство шамана отразилось на чумных воинах, и те застонали. Омерзительные руны, выдолбленные у них на доспехах, стали истекать кровью, и какими же стали болезненными и неуклюжими стали движения этих чудовищ, когда те отступали к арке. Снаружи донесся испуганный вопль остальных порождений чумы, за которым последовало лихорадочное бегство уродливых фигур, скрывавшихся в гостеприимной тьме лесной чащи.

Пулстлиц затрясся от окруживших его защитных чар жриц. Без тлетворной силы шамана, защищавшей его от магического воздействия, энергии противоположные его собственным сокрушали чумного чемпиона. Он ощутил, как в него, лишая силы и подвижности, проникает исцеляющая мощь богини. Чемпион поднял клинок, чтобы дать отпор охотнику за головами, но движение оказалось слишком медленным. Пробив прогнившую броню, меч Брюннера отсек Пулстлицу руку. Стальная перчатка с грохотом упала на каменные плиты, из ослабевших пальцев вывалился чумной клинок. Внутри оскверненного доспеха не оказалось руки, вместо нее на свет хлынула масса тараканов с черными панцирями. Их отвратительные тельца рассыпались под действием пагубной энергии, изгоняющей порчу из этих крошечных созданий.

Прижимая к груди обрубок руки, Пулстлиц пятился от Брюннера. Чудовище издало гудящий вой бешенства, затем развернулось и что было духу бросилось со двора. Обессиленно оседая на пол, Брюннер смотрел, как оно уходит. Он был не из тех, кто оставляет врага в живых, но те крупницы силы, которую ему возвратили, были почти растрочены за время этой короткой стычки. Впрочем, было у него предчувствие, что пути их снова пересекутся, и после новой встречи живым уйдет лишь один.

Сабарра подошел к рейкландцу и присел рядом с ним на плиты. Бегло оглядев Брюннера, тильянец натянул на свое лисье лицо холодную улыбочку.

— Итак, — сказал он, — похоже, ты выздоровел. Полагаю, теперь можно и поболтать.

Брюннер, крадучись, будто охотящийся волк, пробирался по коридорам. Доспех он починил еще раньше, и тот снова был на нем, оружие вернулось на пояс. Постепенно уходили, втягиваясь обратно в поверхность кожи, последние следы красных фурункулов. Фантастически действенный эликсир, который ему дала Элизия, можно было описать лишь одним словом — «чудесный». Охотник за головами нашел жрицу, склонившуюся над одним из тьюфяков в палате, в которой совсем недавно лежал он сам. Брюннер прошел к ней по узкой дорожке меж больничными койками.

Сабарра очень уж торопился с уходом, оставив Брюннера долечиваться в одиночестве. И тот надеялся, что его соперник хорошо проводит время в крошечной деревушке под названием Монторри. Он не соврал Сабарре — там действительно жил дядя Риано — просто забыл упомянуть, что у него не было причин полагать, что Риано можно там обнаружить.

Когда тень охотника за головами накрыла Элизию, та посмотрела на него снизу-вверх, и оказалось, что ненависть в ее глазах не потускнела. Брюннер это уважал, в женщине была принципиальность. И именно из уважения к этому ее качеству, а также тому, что она сделала для него, он медлил так долго. Вернее всего было бы действовать как можно скорее, чтобы не дать Сабарре времени осознать ошибку. Но Брюннер решил не торопить события.

— Как он? — спросил охотник за головами. Убрав с лица прядь выбившихся волос, Элизия зло

посмотрела на него.

— То, чего ты дожидался, произошло, — сообщила она ему, и голос ее был тяжел, как корни Серых гор.
— Красная оспа взяла свое. Он мертв. — Поднявшись на ноги, Элизия разгладила перед своей рясой. — Ты не лучше стервятника, настоящий шакал, — выплюнула она. Брюннер не стал с ней спорить, лишь внимательно посмотрел на лицо мертвого человека, то самое лицо, которое он узнал, когда Сабарра притащил его в эту палату.

Риано. Когда чума поразила Дечимас, разбойник бежал сюда. И, если бы Брюннер всерьез задумался о божественном промысле, то в том необычном стечении обстоятельств, при которых ему с Риано суждено было встретиться, он мог бы увидеть руку судьбы. Но боги охотника за головами больше не заботили — только золото.

— Скажи кому-нибудь из своих, чтобы помогли вытащить его наружу, — сказал он Элизии, и его рука в перчатке схватилась за рукоять большого ножа с зазубренным лезвием, который он называл «Палачом».
— Так вам не придется далеко нести ту часть, которая мне ни к чему.

1. Бригандина (фр. brigandine) — рубашка из стальных чешуек, плотно прилегающая к телу
2. Салад (фр. salade) — вид средневекового шлема с удлиненным назатыльником
3. 12,7 см
4. Кабанье копьё — разновидность копья, используемая для охоты на кабанов: короткое и тяжелое копьё с широким наконечником и перекладиной, поперечной древку
5. Помандер (ст.-фр. pomme d'embre — янтарное яблоко) — специальный сосуд для амбры, мускуса, парфюмерных масел и смол; чаще всего: резной металлический шар, в форме яблока или апельсина, разделенного на дольки, каждая из которых содержала душистое вещество, позволяющий запаху выходить наружу через отверстия или ажурные решетки
6. Инфирмерия (ст.-фр. enfermerie) — больница, лазарет, чаще при замке или монастыре
7. Карро, гарро (фр. carreau) — короткая толстая стрела с четырехгранным металлическим наконечником

Источник — [https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лечебница / _Sickhouse_ \(рассказ\)&oldid=23067](https://wiki.warpfrog.wtf/index.php?title=Лечебница_-_Sickhouse_(рассказ)&oldid=23067)

Эта страница в последний раз была отредактирована 20 июня 2023 в 20:46.